Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Гузель Яхина: «Обижаться на прошлое бессмысленно»

29.11.2017.

Гузель Яхина Photo © N. Sikorsky

В августе этого года в лозаннском издательстве Noir sur Blanc вышел французский перевод книги «Зулейха открывает глаза», удостоенный в России премии Большая книга.

Первый роман Гузель Яхиной стал, на мой взгляд, одним из самых ярких событий российской литературной жизни последних лет. И дело не только в официальном признании. Главное – то, что я не знаю ни одного человека, которого он оставил бы равнодушным.

В своем чудесном предисловии к Вашей книге Людмила Улицкая прежде всего отметила Вашу «двукультурность». Откуда, действительно, Вы так хорошо знаете то, что описываете в первой части романа? Вы росли в

традиционной татарской семье, от которой получили и красивое имя, в Москве кажущееся экзотическим?

Да, имя мое экзотично лишь в Москве; в Татарстане оно так же обычно, как Ольга или Наталья. И семья у меня была самая обычная, классическая советская семья: мама – врач, папа – инженер. Но зато я богата на бабушек и дедушек. Со стороны папы это были казанские татары – городские, с сохранившимися буржуазными обычаями. А со стороны мамы – татары деревенские. Они переехали в Казань в 1960-х в поисках лучшей доли и даже в своем казанском доме полностью сохранили традиционный уклад сельской жизни. Именно их дом – а в нем я провела в детстве очень много времени – и описан в первой части романа как дом Зулейхи: стены, окна, лестницы, сени, двор, хлев, амбары с утварью, соленый гусь и яблочная пастила на чердаке… В доме бабушки и дедушки соблюдались традиции, и соблюдались достаточно строго. Мы не всегда понимали их смысл. Почему нельзя наступать на порог? Брать хлеб левой рукой? Класть каравай горбушкой вниз? Только позже, будучи взрослой и многое прочитав, я поняла, что то были остатки языческой культуры, с которыми жили и мои бабушка с дедушкой, и их родители, и более далекие предки. Так что описания и детали в первой – национальной – части романа взяты, что называется, из жизни. Конечно, восстанавливая воспоминания, я сильно сгущала краски и переставляла акценты.

Я очень рада, что родилась и выросла именно в Казани – городе, где мирно и гармонично сосуществуют две культуры, татарская и русская. Правда, на обретение этого равновесия потребовалось почти пятьсот лет совместной жизни. Росла, питаясь из двух источников – из двух культур. Позже в мою жизнь вошла еще и немецкая культура – по первой специальности я преподаватель немецкого языка.

Если первую часть Вы могли вспомнить, то вторую – точно никак. Как Вы над ней работали, как собирали материал?

Первый источник материала – это рассказы бабушки, которая еще семилетним ребенком оказалась в 1930 году в Сибири, в кулацкой ссылке, и провела там шестнадцать лет. Именно эти рассказы и вдохновили меня на написание книги. Роман «Зулейха…» не биографичен, и его героиня – вовсе не моя бабушка. Мне было интереснее рассказывать не историю ребенка, выросшего и сформировавшегося в Сибири, а взрослой женщины, которая считает, что жизнь ее кончена, - и неожиданно получает вторую жизнь, шанс полностью изменить свою судьбу, себя саму. Женщины, которая в тридцать лет впервые выезжает из родной деревни, вынуждена говорить на другом языке и даже взять в руки оружие, стать охотницей. Женщины, которая путешествует не только географически – из родного села в Сибирь – но и ментально: из архаического мира прошлого в мир современности… Бабушкины воспоминания были главным толчком к написанию романа в принципе. Честно говоря, у меня и выбора не было, о чем писать, - знала, что точно буду писать о раскулачивании и кулацкой ссылке.

Еще один источник – научные труды, диссертации. Тут первым я хотела бы с большой благодарностью назвать имя ученого, чьими работами много пользовалась – это профессор Института истории Российской Академии наук Виктор Николаевич Земсков, последние тридцать лет посвятивший изучению темы спецпоселенцев. К

сожалению, он скончался недавно.

Много времени я провела на сайте общества «Мемориал», где собраны воспоминания самых разных людей, прошедших через ГУЛАГ. Это было большое, тяжелое и очень важное чтение, ведь в научных работах можно найти интересные цифры, факты, исторические заключения, но не жизнь с ее запахами и ощущениями. А в мемуарах как раз наоборот – в них ощущается дыхание жизни.

Кроме того, я объехала несколько музеев. Например, на Рижском вокзале в Москве есть Музей железнодорожного транспорта, где можно заглянуть внутрь теплушки – именно такой, в какой везли в Сибирь моих героев – и увидеть побуревшие стены, нары, маленькие зарешеченные окошечки, буржуйку в центре. И попробовать представить, что могли чувствовать люди, которых неделями везли в таком телячьем вагоне…

Еще одним важным источником стали фильмы тридцатых годов про коллективизацию: прежде всего, отмечу «Землю» Александра Довженко и запрещенный, а позже утерянный «Бежин луг» Сергей Эйзенштейна, восстановленный Наумом Клейманом по оставшимся кусочкам пленки, фотографиям и сценарию Александра Ржешевского. Это был так называемый «эмоциональный сценарий», в котором Ржешевский не только описывал видеоряд, но и пытался максимально точно передать эмоции тех, кто живет на экране. Текст этот гениален и страшен одновременно – абсолютной верой в правильность происходящего.

Единственное, чего я намеренно избегала во время подготовки романа, – это чтения художественных произведений о ГУЛАГе. Запретила себе перечитывать Шаламова, Солженицына, Гинзбург. Не хотела попасть под влияние.

Молодежь принято ругать во все времена, ругают и сейчас, в частности, за равнодушие к прошлому и будущему, за сиюминутные материальные интересы. При этом Вы, вполне молодая женщина, обращаетесь к тяжелейшей теме прошлого. Сколько времени Вы писали роман и что Вас мотивировало?

Писала я почти три года, а мотивация была, прежде всего, личная: хотела разобраться в отношениях с бабушкой и понять, что именно сформировало ее характер – очень твердый, жесткий. Уже начав заниматься этой темой, поняла, что надо делать это серьезно. Мне было очень важно сделать это и ради памяти о бабушке, и ради моих родителей и дочери, и ради заполнения пробелов в моих собственных знаниях, ведь что-то из рассказов бабушки я не запомнила, о чем-то не догадалась спросить или записать на диктофон, а теперь очень об этом жалею.

Многие рецензенты отмечают определенную жесткость Вашего стиля и, так сказать, раскладку текста под кино, наподобие сценария. Второй момент можно объяснить тем, что Вы – профессиональный сценарист. А первый?

Просто писала, как чувствовала, как умею. Я не профессиональный писатель, чтобы выбирать стили из имеющейся богатой палитры. Единственное, что я четко

понимала: роман, в начале своем национальный, должен в какой-то момент измениться – и вырасти в наднациональный, интернациональный. Также хотелось, чтобы, с одной стороны, роман получился историческим – с соблюдением всех деталей, точным соответствием исторической правде. А с другой стороны – неисторическим: чтобы он не просто рассказывал о трудностях кулацкой ссылки, а затрагивал бы и общечеловеческие темы вне исторического контекста. К примеру, о том, что важнее для женщины – любовь к мужчине или любовь к ребенку. О том, что значит любить врага и убийцу собственного мужа. О том, как долгие годы нести бремя вины перед умершим мужем за свои чувства.

Ваша книга трогает потому, что в ней нет черно-белых персонажей. Даже в страшной Упырихе, свекрови Зулейхи, Вы показываете ее любовь – любовь к сыну, да, принимающую порой уродливые формы, но все же любовь. А описание группы несчастных, выброшенных судьбой на берег Ангары – таких разных, в других обстоятельствах никогда бы не встретившихся – проникает в самое сердце. Вопреки модному сейчас пессимизму, Ваша книга возвращает веру в человека, в то, что в самых страшных ситуациях в нем проявляются все же лучшие качества.

Мне было важно в романе сохранить светлые нотки из бабушкиных рассказов. В устных рассказах светлого иногда гораздо больше, чем в мемуарах. Бабушка рассказывала о Пит-Городке (а именно так назывался трудовой поселок в Сибири, где она провела шестнадцать лет жизни) и описывала не только страшные вещи, но и какие-то теплые моменты: как собирали морошку в тайге, как плыли на плотах по Ангаре… Кстати, выяснилось, что этот самый Пит-Городок, который давно считался умершим (после распада Советского союза он никому не был нужен, и последние питчане покинули его) – все еще жив. После публикации романа мне написали его бывшие, а теперь разъехавшиеся по разным городам, жители и рассказали, что раз в год они собираются и выезжают в Пит ухаживать за могилами.

Гузель Яхина Photo N. Sikorsky

В этом году отмечается столетие Октябрьской революции. Единой оценки этого события в России до сих пор нет. А есть ли она лично у Вас?

Кто-то из восточных деятелей, кажется, Мао Цзэдун, на вопрос о Великой Французской революции сказал: прошло еще слишком мало времени, чтобы ее оценить. Думаю, его слова применимы и к русской революции.

То есть в Вас не живет обида на советскую власть за бабушек и дедушек?

Обижаться на прошлое бессмысленно. Такой обиды не было даже у них самих, ни у одного. Более того, один дедушка, с папиной стороны, до самого конца оставался убежденным коммунистом. Бабушка же, чья судьба вдохновила меня написать роман, вспоминала о пережитых годах ссылки даже с легкой ностальгией. Прежде всего – ностальгией о крепкой нерушимой дружбе. До самой смерти она поддерживала отношения с теми, кто жил с ней в Пит-Городке, они были для нее ближе, чем некоторые родственники…

В современном российском обществе прослеживается четкая тенденция к

обелению Сталина. Вас это не пугает?

Череда травм, пережитых нашей страной, так длинна и тяжела, что «проработать» их быстро не получается. Практически каждое поколение в России за последние сто лет переживало свою травму. И каждая травма наслаивалась на предыдущую – без какой-либо общественной дискуссии, без проработки и осмысления. Да, во время перестройки и в 1990-е такая дискуссия шла – и в какой-то момент нам показалось, что мы ответили на все вопросы, что с прошлым покончено, что можно теперь обратиться к будущему. Сейчас выясняется, что это не так: непроработанные и незажившие раны открываются – и разговор о прошлом возникает вновь. Пусть этот разговор идет столько, сколько нужно. Посмотрите на список лауреатов премии «Большая книга» 2016 года: первая премия – Леонид Юзефович, «Зимняя дорога», книга о гражданской войне в Якутии; вторая премия – Евгений Водолазкин, «Авиатор», современная история с началом и концом в Соловках; третья премия – Людмила Улицкая, «Лестница Якова», роман, основанный на судьбе и письмах ее деда, тридцать лет проведшего в лагерях. Вот, что волнует писателей. И что волнует читателей: все книги имеют большие тиражи.

То есть Вы не считаете, что пора ставить точки?

Точки, конечно, ставить нужно, но не нужно с этим излишне спешить, искусственно ускоряя процесс.

«Зулейха открывает глаза» – Ваш первый роман, и сразу такой успех: премии, переводы на более 20 языков… Вас это стимулирует или, наоборот, расхолаживает?

Ни первое, ни второе. Успех налагает ответственность, а также – очень поднимает уровень ожиданий. Я работаю сейчас над второй вещью, не знаю пока, когда завершу работу, смогу ли сделать ее так же хорошо. Надеюсь, что да! Конечно, я очень признательна судьбе за успех «Зулейхи» - премии и переводы помогли книге найти больше читателей, это главное.

А какая была реакция на книгу в Татарстане?

Очень разная и очень эмоциональная. Кому-то показалось, что роман очерняет татарскую женщину, татарскую мать, что я некорректно затронула национальные и религиозные мотивы. А кто-то, наоборот, посчитал книгу гимном татарской женщине. Я благодарна за все отзывы и рецензии, даже самые негативные, так как активная дискуссия вокруг романа в конечном итоге подхлестнула читательский интерес. Для меня было важно, что первый перевод романа был – на татарский. Он был сделан самым заслуженным издательством республики – Татарским книжным издательством – и очень быстро: ровно через год после выхода русской книги на полках стоял татарский вариант.

Вот и поговорим о переводах Вашей книги. Немецкий перевод, появившийся в феврале этого года, Вы могли проконтролировать, а остальные? Ведь в книге столько слов, непонятных даже русскоязычному читателю. Приходится доверяться переводчикам и издателям?

Прежде всего, я бесконечно рада всем переводам. Если, прочитав историю Зулейхи,

читатель где-нибудь в Китае или в Америке чуть лучше поймет российскую историю, хоть немного заинтересуется татарской культурой – я буду счастлива. Я работаю не одна, а с профессиональным литературным агентством, которое полностью владеет ситуацией. Общаюсь с переводчиками и отвечаю на все их вопросы. Да, доверяю издательствам, поскольку, мне кажется, работаю с очень профессиональными. Мы все заинтересованы в том, чтобы сделать книгу как можно более понятной для читателя.

Что касается тюркских слов, достаточно часто использованных мною в первой части романа, то каждое издательство принимает решение самостоятельно – оставлять ли их для лучшей передачи атмосферы и национального колорита или все же убрать. В Финляндии, например, приняли решение сохранить в тексте все татарские слова, причем без выделения курсивом и без словарика в конце книги, по которому можно было бы сверить значение, - сочли, что текст и в таком виде будет понят. Англичане же, с моего согласия, наоборот, решили все татарские слова перевести, чтобы избежать переусложненности и не отпугнуть читателя с первых же страниц. В немецком переводе татарские слова сохранены частично и выделены курсивом.

Почти все «шариковы» в Вашей книге в разной мере оказываются наказанными – Денисов, Груня, возможно, позже Горелов. Вы верите, что преступление неизбежно влечет за собой наказание?

(задумывается) Вы правы, в большинстве случаев я их, конечно, наказываю…

Чем очень радуете жаждущего справедливости читателя!

… но я это делаю, заметьте, только с эпизодическими персонажами, а не с главными. В описании судеб значимых героев я все же стремилась сохранить историческую правду. Пользуясь правом автора, я оставила в живых все тридцать переселенцев, которые провели первую зиму в тайге и основали трудовой поселок. Возможно, это не очень реалистично, но у меня в этой части романа уже были другие задачи – не столько соблюсти достоверность, сколько наделить эту историю выживания чертами легенды. Вообще, я была гораздо добрее к моим героям, чем была бы к ним жизнь.

Наверно, в этом и есть, действительно, главная привилегия автора…

современная русская литература
русская литература в Швейцарии
русская литература во французских переводах
Гузель Яхина

Source URL:
http://www.rusaccent.ch/blogpost/guzel-yakhina-obizhatsya-na-proshloe-bessmyslenno